

<http://www.raipon.info/3944.html> (дата обращения: 22.10.2013).

10. Организация и обеспечение защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов в Иркутской области на 2013-2015 годы [Электронный ресурс]: долгосрочная целевая программа Иркутской области // Официальный портал Иркутской области:

[сайт]. URL: <http://www.irkobl.ru/sites/culture/program/long/index.php?print=Y> (дата обращения: 18.09.2013).

11. Содействие занятости населения Иркутской области на 2012-2014 годы: ведомственная целевая программа // Официальный портал Иркутской области: [сайт]. URL: <http://www.irkzan.ru/qa/1257.html> (дата обращения 12.10.2013).

УДК 94(470)

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПОЛИЦЕЙСКОГО НАДЗОРА ЗА ССЫЛЬНЫМИ В СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

*В.Н. Максимова, канд. ист. наук
БрГУ, Братск*

В статье рассматривается эволюция системы полицейского надзора за ссыльными в Сибири в конце XIX – начале XX вв. в общем контексте внутренней политики самодержавия в указанный период. Выявляются сущность произведенных изменений и факторы, их обусловившие.

Система надзора за ссыльными, сложившаяся к началу XX века, не только не обеспечила получение правительством информации о реальном положении дел в местах ссылки, но и косвенно способствовала консолидации ссыльных.

По мере увеличения численности ссыльных в стране совершенствовалась система полицейского надзора за ними, что выразилось в появлении новых инструкций и пересмотре старых. К 1917 г. все стороны жизни и деятельности политических ссыльных Сибири были полностью охвачены наблюдением, которое на местах возлагалось на специальных надзирателей. Среди наиболее важных документов, формировавших систему полицейского надзора (наряду с Уложением о наказаниях, Уставом о ссыльных, Уставом уголовного судопроизводства), следует назвать циркуляры и инструкции по отдельным вопросам его организации, издававшиеся центральными и местными властями.

Так, циркуляром от 18 января 1864 г. МВД установило порядок наблюдения за корреспонденцией лиц, сосланных в Сибирь за политические преступления (получение и отправка корреспонденции ставились под постоянный надзор местного окружного исправника), 31 декабря 1879 г. запретило по-

литическим поднадзорным иметь у себя оружие для «предупреждения со стороны политических поднадзорных возможности вооруженного с их стороны сопротивления в случае обыска или принятия других против них мер...» [1]. Положение о полицейском надзоре, высочайше утвержденное 1 марта 1882 г., (отменившее циркуляр от 18 января 1864 г.), предоставляло право министру внутренних дел «лишь в некоторых, особых случаях» лишать поднадзорного беспрепятственного получения им корреспонденции из-за ее предварительного просмотра: в губернских городах – местным начальником жандармского управления, в уездных – уездным исправником. Циркуляр департамента полиции от 31 марта 1908 г. за № 112850 обращал внимание местных властей на необходимость более осмотрительного отношения к производству обысков, которые надлежало производить только по «уважительным поводам».

С 80-х гг. XIX в. на всей территории Восточной Сибири начал действовать институт

надзирателей за политическими ссыльными, призванный обеспечить центральные власти постоянной информацией о жизнедеятельности ссылки. Полицейские смотрители занимались согласно положениям, утвержденным 26 апреля 1863 и 3 августа 1879 гг. кабинетом министров, по строгому выбору, из «вполне благонадежных и соответствующих этому назначению лиц, преимущественно из раненых отставных и бессрочно отпускных нижних чинов, льготных урядников и казаков».

Служба этой категории надзирателей регламентировалась соответствующими инструкциями, но существенные коррективы вносила реальная обстановка на местах. В результате имевшиеся предписания часто не выполнялись или выполнялись частично. Так, инструкция предусматривала закрепление за пятью политическими ссыльными одного надзирателя, в действительности же, особенно в годы наплыва осужденных, их число увеличивалось в два – три раза. В Енисейской губернии к октябрю 1916 г. имелось 103 особых полицейских надзирателя, в то время как политических ссыльных насчитывалось 1442 человека. К тому же, как сообщал енисейский губернатор в рапорте к иркутскому генерал-губернатору: «отставные нижние чины, освобожденные от военной службы за ранениями или вообще по расстройству здоровья – мало пригодны к несению надзирательской службы, сопряженной с частыми разъездами при суровых климатических условиях...». Еще более усложняло обстановку на местах проявляемое надзирателями чрезмерное усердие, нередко приводившее к протестам ссыльных в форме заявлений в адрес местных властей.

Стремление центра усовершенствовать институт надзора выразилось во введении «Инструкции чинам полиции по наблюдению за ссыльнопоселенцами, осужденными за государственные преступления» от 15 августа 1914 г. и «Временной инструкции полицейским надзирателям по наблюдению за политическими ссыльными» 1916 г.

Инструкции подчеркивали, что, осуществляя свои полномочия по наблюдению, надзиратели не должны ограничивать права политических ссыльных, предоставленные им Уставом о ссыльных 1909 г., не имеют

права входить в разбирательство ссор, могущих возникнуть у поднадзорных, а также делать последним какие-либо выговоры или внушения. Вместе с тем, вышеозначенные документы подтверждали существование серьезных ограничений в сфере занятий ссыльных.

Так, надзиратели были обязаны следить, чтобы без разрешения губернатора поднадзорные не занимались педагогической деятельностью, письмоводством; не принимали к себе учеников для обучения искусству, ремеслам; не занимались бы чтением лекций; не содержали бы типографий, библиотек; не занимались продажей книг и картин; не содержали трактиров и чайных заведений; не торговали спиртными напитками. При этом основными обязанностями надзирателей оставались: недопущение сходок, пропаганды и распространения запрещенных изданий ссыльными среди местного населения, а также предупреждение побегов.

За нарушение правил инструкции, нетрезвое поведение и «нерадение» по службе, совершение поднадзорным побега надзиратель мог наказываться увольнением. Исполнение предписанных обязанностей надзирателями не всегда было возможно ввиду большого количества поднадзорных, их разбросанности по участку (особенно в северных уездах), сопротивления политических ссыльных. Существенные ограничения в сферах возможного приложения сил ссыльных подчас вступали в противоречие и с нуждами губерний.

«Строгий надзор» нередко превращался в фикцию. Местная администрация предпочитала «закрывать глаза» на занятие ссыльными учительских и врачебных должностей там, где таковые вакансии не могли быть замещены обычным порядком (из-за отдаленности от культурных центров, тяжелых климатических условий и т. д.), и строго придерживалась буквы закона в отношении территорий, где ссыльные составляли конкуренцию представителям местного населения [2].

Местом постоянного жительства ссыльного считался пункт приписки по решению местной губернской администрации, а постоянным документом – поселенческая книжка, выдаваемая на срок до трех лет [3]. Право отлучки в пределах уезда или губер-

нии (области) ссыльные получали только по истечении полугода проживания в месте приписки. Как правило, этот срок, который нередко затягивался по техническим причинам, был суровым испытанием для политических поднадзорных, особенно пришедших на поселение из каторжных тюрем и не имевших материальной поддержки, о чем неоднократно указывалось в либеральной дореволюционной печати [4]. Если же ссыльному оказывалась помощь родственниками или знакомыми, то громоздкая система выдачи доверенности и получения посылок и денежных переводов являлась еще одной преградой.

Ограничение прав на передвижение связывало поднадзорных революционеров в основном с сельскохозяйственным производством и мелкой кустарной промышленностью, обслуживавшей нужды крестьянского населения. Большая же часть политических ссыльных вынуждена была перебиваться случайными заработками в глухих сибирских деревушках. При территориальном распределении женщин по местам приписки и надзора местная администрация старалась назначать их в районы с более мягким климатом (что не исключало возможности «переводворения ввиду ведения вредной деятельности»), однако, это не всегда являлось благом для ссылаемых. С.С. Утмелидзе, приговоренная к ссылке на поселение за принадлежность к РСДРП, придя в Усть-Уду в 1908 г., застала здесь большую колонию политических ссыльных – 70 женщин и 7 мужчин. Волостное село оказалось настолько переполненным, что «там невозможно стало получить посильную для женщины работу... и на почве безработицы ... создавалась тяжелая нравственная атмосфера» [5].

В конце XIX – начале XX вв. недостатки установившейся практики расселения политических поднадзорных стали очевидными для наиболее прогрессивных представителей центральной и местной администрации [6]. Так, енисейский вице-губернатор в донесении иркутскому генерал-губернатору от 14 января 1913 г. сообщал, что большинство окончивших каторжные работы и почти все приговоренные к ссылке на поселение за политические преступления – люди, неспособные к земледелию или иному физиче-

скому труду. Даже если они и захотели бы заняться земледелием, то лишены возможности это сделать за неимением средств для заведения хозяйства. Закрывать глаза на то, чем и как эти ссыльные и их семьи будут жить на месте водворения, сознающая свои обязанности власть не должна, тем более что нередко та или другая форма взаимопомощи между ссыльными влечет за собой в охранном порядке преследование и удаление из мест водворения, где так или иначе сложилась уже сколько-нибудь возможная для человека жизнь ссыльного.

Перед Первой мировой войной правовое положение части политических ссыльных изменилось в лучшую сторону. По февральскому манифесту 1913 г. ссыльнопоселенцы, осужденные за государственные преступления, а также окончившие сроки каторжных работ, получили возможность приписаться к крестьянскому сословию, право свободного передвижения и выбора места жительства в пределах Сибири (с сохранением полицейского надзора) [7]. Однако льгота коснулась далеко не всех и реально не облегчила положение ссылки. В частности, осуждение по ст. 102 УУ исключало применение манифеста, тогда как значительная часть женской политической ссылки судилась именно по этой статье.

К тому же, в связи с поездкой по некоторым районам империи Николая II, во избежание покушения на него, были приняты меры, еще более ограничившие для ссыльных возможность передвижения. У ссыльных, причастных к террористической деятельности (из 614 человек, включенных в список, – 56 женщин, или 9,12 %), были взяты подписки о невыезде из мест приписки, кроме того, за ними устанавливалось негласное наблюдение [8].

Составной частью репрессивной политики российского самодержавия в борьбе с нарастающим революционным движением в начале XX века являлась ссылка в административном порядке в отдаленные губернии страны. Оформление ее законодательной основы произошло в последней четверти XIX века. Так, 14 августа 1881 г. Александром III было утверждено «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», которое открыло

широкие возможности для административной ссылки лиц, обвиненных в преступлениях против существующего государственного порядка и за политическую неблагонадежность. Подробно регламентировало пребывание административных ссыльных под гласным надзором полиции в определенном им месте жительства (включая разрешение и запрещение тех или иных занятий, цензуру корреспонденции, порядок перемещения и отлучек с мест водворения и т. д.) утвержденное 12 марта 1882 г. «Положение о полицейском надзоре, учрежденном по распоряжению административных властей» [9]. Состав административной ссылки существенно расширил п. 17 ст. 19 утвержденных 18 июня 1892 г. Государственным советом правил «О местностях, объявленных состоящими на военном положении». С этого времени генерал-губернаторы и облеченные их властью лица (командующие военными округами, фронтами, армиями) получили полномочия высылать отдельных лиц на срок действия на данной территории военного положения (с извещением об этом министра внутренних дел) [10]. Положение высланных в административном порядке лиц в местах водворения определялось также циркулярами по департаменту полиции от 10.12.1898 г. за № 10776; от 25.02.1909 г. за № 75940; от 4.12.1909 г. за № 90079; циркуляром от 06.01.1913 г. за № 52178 и приложенной к нему временной инструкцией полицейским надзирателям от 31.08.1913 г.; циркуляром от 05.10.1913 г. за № 61207.

Особенно широко самодержавие стало использовать высылку в административном порядке после подавления революционных событий 1905-1907 гг. Однако нередко власти пользовались этим средством для избавления от нежелательных элементов (под видом «политических» в ссылку попадали мелкие ворюжки, мошенники и т. п., которых не удавалось уличить) [11]. Это, во-первых, перенаселило сибирскую глубинку ссыльным элементом, во-вторых, сделало состав ссылки весьма пестрым и изменило отношение старожилов, первоначально доброжелательное, к «политикам». Последнее было весьма существенным, поскольку, как уже отмечалось, получение работы

ссылными во многом зависело от местного населения.

В легальной печати России 1909 г. отмечалось, что ссылка в отдаленные районы служит для последних огромным злом: «...она ложится тяжелым бременем на население, которое отбывает невероятно увеличившуюся повинность гоньбы. Все ссыльные развозятся по краю в места назначения силами местных крестьян, они же должны возить стражников, чиновников, разъезды которых, благодаря ссылке, увеличились, население же осталось в том же количестве» [12]. С началом войны и широкого применения властями высылки в порядке п. 17 ст. 19 Правил военного положения условия существования административно-ссыльных еще более изменились к худшему [13]. Назначение в малонаселенные северные поселения большого числа поднадзорных привело к нехватке на местах работы и одновременно к удорожанию найма квартир и предметов первой необходимости. Существовать в таких условиях на одно казенное пособие было практически невозможно.

Так, в Приангарском крае в изучаемый период на 2516 крестьянских дворов в среднем приходилось 700 ссыльных, в Туруханском крае – 5 политических ссыльных на 4 двора. В Киренском уезде Иркутской губернии ссыльные всех категорий составляли 15,4 % общей численности населения, в Балаганском – 18,1 %, в Верхоленском – 13,8 %. Спрос на рабочие руки значительно отставал от предложения. В результате безработица в районах массовой ссылки не прекращалась [14].

Недовольство и волнения среди политических ссыльных в Восточной Сибири (имелись случаи прямых угроз в адрес местных чинов полиции) и стремление царской администрации сохранить спокойствие и порядок в стране в условиях военного времени заставили МВД пересмотреть устройство быта поднадзорных. Все перечисленные выше циркуляры были отменены, а временная инструкция полицейским надзирателям за политическими ссыльными заменена новой, от 25.04.1916 г. Суть произведенных изменений может быть сведена к следующему:

- северные уезды губерний назначались теперь поднадзорным только в исключи-

тельных случаях (по делам о лицах, заподозренных в наиболее тяжких преступлениях);

- местные власти обязывались принимать все возможные меры к предоставлению поднадзорным достаточного для существования заработка;

- занятия ссыльных врачебной, фельдшерской и акушерской практикой не требовали предварительного запроса об этом в МВД;

- суммы, необходимые на выдачу пособий указанным лицам, отпускались авансами на три месяца вперед для недопущения задержки выплат;

- полицейским надзирателям указывалось на недопущение при осуществлении наблюдения за политическими ссыльными ограничения прав последних, предоставленных им Уставом о ссыльных 1909 г. издания (например, ст. 144 относительно отлучек).

Таким образом, самодержавие, учитывая сопротивление административной ссылки и исходя из собственных интересов (резкое увеличение расходов на пособия для ссыльных, сплочение последних для выживания и т. д.), пыталось решить проблему через устранение наиболее нецелесообразных в изменившихся условиях законодательных ограничений в отношении поднадзорных. Это несколько снизило накал страстей на местах, однако не привело к существенному улучшению положения административно высланных, поскольку перенаселенность сибирских территорий ссыльными не позволяла выполнить наиболее важной рекомендации центральных властей – о предоставлении возможности достаточного для существования заработка.

В целом следует отметить, что созданная в России в XIX – начале XX вв. система расселения политических ссыльных и надзора за ними была далека от совершенства как с точки зрения интересов царизма, так и исходя из интересов поднадзорных. С одной стороны, существовали объективные трудности организации надзора на местах, не позволявшие властям иметь точную информацию о ссылке и предотвращать побег. С другой стороны, ссыльные стремились покинуть места приписки, где не находили источников достаточного пропитания в условиях имевшихся законодательных запретов

и ограничений. Образовывался замкнутый круг: режим ссылки призван был разъединить, заставить осужденных революционеров отказаться от ведения борьбы из-за необходимости постоянно думать о хлебе насущном, но найти работу в условиях перенаселенности районов ссылки и ограничений в сферах труда было очень сложно. В результате ссыльные сплочивались для выживания (в коммуны, артели, кассы взаимопомощи) или покидали места приписки (несанкционированные отлучки, нелегальное проживание в крупных центрах, побег). И то, и другое противоречило назначению ссылки. С другой стороны, при более благоприятных условиях существования политические ссыльные возобновляли революционную деятельность среди местного населения.

Литература

1. Казарян П.Л. Олекминская политическая ссылка 1826–1917 гг. Якутск, 1996. С. 82.
2. Евсева А.Н. Педагогическая деятельность ссыльных большевиков в Сибири (к. XIX – нач. XX в.) // Революционная и общественная деятельность ссыльных большевиков в Сибири (1903 – февраль 1917 г.): опыт, историография, источниковедение. Омск: Изд-во Ом. ун-та. 1989. С. 26–27.
3. Устав о паспортах. СПб., 1906. С. 207.
4. Из жизни политической ссылки // Сибирские вопросы. 1209. № 42. С. 31.
5. Из жизни политической ссылки // Там же. 1909. № 49-50. 22 дек. С. 65.
6. Анучин В. Политическая ссылка в Турханском крае // Там же. 1909. № 17. 8 мая. С. 19.
7. А.В.П. На очередные темы. Очерки политической ссылки // Русское богатство. 1912. № 1. С. 71–73.
8. Бабакина Е. Орленга // Иркутская ссылка. М.: Изд-во политкаторжан, 1934. С. 58.
9. Марголис А.Д. Законодательство об административной политической ссылке в России кон. XIX в. // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1982. С. 59.
10. Ссыльные и Манифест 21 февраля // Право. 1914. № 6. 3 февр. Ст. 446.
11. Поименный список политических ссыльных, причастных к террористической

деятельности или к боевым организациям // Каторга и ссылка. 1931. № 1 (74). С. 194–224.

12. Собрание узаконений и распоряжений Правительства. СПб., 1882. 1-е полугодие. С. 338–344.

10. Собрание узаконений и распоряжений Правительства. СПб., 1892. 2-е полугодие. С. 2144–2152.

13. Фроммет Б. Социально-экономический состав административной ссылки // Наша заря. 1910. № 2. С. 33.

14. Анучин В. Политическая ссылка в Туруханском крае // Сибирские вопросы. 1909. № 17. С. 22.

19. Вардин (Мгеладзе) И. Политическая ссылка накануне революции // Пролетарская революция. 1922. № 5. С. 107–111.

20. Щербаков Н.Н. Политические ссылки как источник пополнения пролетариата в Сибири (1907–1917) // Ссылочные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): сб. науч. тр. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982. Вып. 7. С. 119.

УДК 335.231.31

ВОЕННАЯ ФОРМА ВОСПИТАННИКОВ ИРКУТСКИХ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

*Е.М. Кунжаров, канд. ист. наук
БрГУ, Братск*

В статье рассматривается обмундирование юнкеров иркутских военно-учебных заведений в 1901–1917 гг. Раскрываются конкретные вопросы развития юнкерской формы, одежды и знаков отличия военно-образовательных учреждений в Иркутске. Дается характеристика основной юнкерской одежды, правил ношения и использования, денежных средств, выделяемых на мундирное довольствие воспитанников юнкерского училища.

Ключевые слова: Россия в начале XX века, военное образование и воспитание.

Указ Екатерины II гласил: «Мундир – есть символ государства, и носить его могут только Защитники Отечества. Никто другой не смеет на него претендовать, а тем более, не по праву носить» [1]. Военная форма одежды изначально имела важное значение в повседневной жизни и боевой деятельности войск. Она способствует строгому выполнению обязанностей военной службы, повышению организованности, дисциплинирует военнослужащих, позволяет различать их принадлежность к вооруженным силам государства, видам этих сил, родам войск (специальным войскам) и определять воинское звание. Важность военной формы одежды неоднократно подчеркивали все российские государи.

Тяга к символическим, к связыванию различных идей, понятий с конкретными предметами или действиями вообще свойственна людям. Так, военнослужащих конца XIX в. не воспитывали специально и не требовали от них, но, тем не менее, носимый под стоячим воротником мундира галстук назывался ими «присягой». Гал-

стук мал и почти не виден, но снимать его нельзя, как нельзя даже в малом отступить от долга службы, от присяги. О том же напоминал и поясной ремень, который солдаты еще в 1910-х гг. называли «обязанностью» – от слов «обвязать» и «обязанность» [2].

При окончании военно-учебных заведений не последнюю роль в выборе полка, в котором предстояло служить молодым людям, играла нарядность мундира. Подтверждением нашему выводу служат воспоминания известного революционера П.А. Кропоткина, кончавшего Пажеский корпус: «Я решил уже окончательно уехать на Дальний Восток. Я остановился на Амурском конном казачьем войске. Так и отметил я в списке, к великому огорчению всех товарищей. “Это так далеко!” – говорили они. А приятель мой Донауров схватил “Памятную книжку для офицеров” и, к ужасу всех присутствующих, начал вычитывать: мундир – черного сукна, с простым красным воротником, без петличек. Папаха из собачьего или иного какого меха, смотря по мес-